

Киберзапугивание вьетнамских школьников во время социального дистанцирования в период COVID-19

С. В. Мурафа¹✉, Ч. Х. Хоанг², Т. Ф. Чу²

¹ Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Российская Федерация

² Национальная академия управления образованием, г. Ханой, Вьетнам
✉ murafa.svetlana@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена изучению возникших проблем у вьетнамских школьников в период строгих ограничений во время борьбы с четвертой волной COVID-19. Это первое систематическое исследование во Вьетнаме, в котором используются надежные исследовательские инструменты для оценки киберзапугивания среди подростков.

Материалы и методы. Для изучения проблемы был проведен экспертный опрос вьетнамских подростков (n = 787) из провинций и городов на севере страны. Надежность результатов исследования проверена с помощью альфа-коэффициента (ANOVA-тест) и факторного анализа EFA.

Результаты исследования. Полученные статистические данные обнаружили значительное влияние таких факторов, как пол, курс обучения (возраст), место жительства, цель, время использования и вид социальной сети, на киберзапугивание вьетнамских школьников. Во время социального дистанцирования у респондентов появилась склонность к злоупотреблению социальными сетями в целях развлечения и общения. Выявлен замкнутый причинно-следственный цикл киберзапугивания, в котором опосредующим фактором является способ негативной реакции подростка на киберугрозы. Киберзапугивание стало тревожным явлением у школьников, которые можно объединить в две выраженные формы угроз: «запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие», «сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество».

Обсуждение и заключение. Материалы статьи являются важной основой для создания программ профилактики и психологического вмешательства для помощи вьетнамским подросткам и юношам во время социального дистанцирования с целью предотвращения киберзапугивания и способствуя психическому здоровью.

Ключевые слова: COVID-19, подросток, киберзапугивание, социальное дистанцирование, психологическое насилие, социальные сети

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мурафа С. В., Хоанг Ч. Х., Чу Т. Ф. Киберзапугивание вьетнамских школьников во время социального дистанцирования в период COVID-19 // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 3. С. 518–538. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.518-538>

© Мурафа С. В., Хоанг Ч. Х., Чу Т. Ф., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Cyberbullying of Vietnamese High Schoolers during Social Distancing due to COVID-19

S. V. Murafa^a✉, T. H. Hoang^b, T. P. Chu^b

^a *Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

^b *National Academy of Educational Management, Hanoi, Vietnam*

✉ murafa.svetlana@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the problems encountered by Vietnamese schoolchildren during the period of strict restrictions in the form of social distancing to combat the 4th wave of COVID-19 in Vietnam. This is the first systematic study in Vietnam that uses reliable research tools to assess cyberbullying among adolescents during COVID-19 social distancing.

Materials and Methods. The study draws on a survey of 787 (grades 6–12) Vietnamese teenagers randomly selected from provinces and cities in the north of Vietnam. An expert survey of students was conducted using the Google Form service. The reliability of the results of the study was verified using the alpha coefficient (ANOVA test) and factor analysis EFA.

Results. The final statistical data obtained showed a significant influence of factors: gender, course of study (age), place of residence, purpose, time of use and type of social network on cyberbullying of Vietnamese teenagers and young men. The negative strategy of combating cyberbullying and the experience of cyberbullying (as a subject or victim), which are factors strongly influencing cyberbullying in Vietnamese adolescents and young men, has been identified. During social distancing, Vietnamese teenagers and young men developed a tendency to abuse social networks for entertainment and communication purposes. During social distancing, the manifestations of bullying through social networks in Vietnamese teenagers showed an increase at an alarming rate, focusing mainly on 2 groups of behavior, including “mental violence and invasion of privacy” and “online fraud and sexual harassment”. A closed causal cycle of cyberbullying has been identified, in which the mediating factor contributing to this cycle is the way a teenager reacts negatively to cyberbullying during social distancing due to COVID-19.

Discussion and Conclusion. The results of the study are an important basis for the creation of prevention and psychological intervention programs to help Vietnamese adolescents and young men during social distancing due to COVID-19 in order to prevent cyberbullying, contributing to mental health.

Keywords: COVID-19, teenager, cyberbullying, social distancing, psychological violence, social networks

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Murafa S.V., Hoang T.H., Chu T.P. Cyberbullying of Vietnamese High Schoolers during Social Distancing due to COVID-19. *Integration of Education*. 2022;26(3):518–538. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.518-538>

Введение

Во время четвертой вспышки COVID-19 мир столкнулся с опасным вариантом вируса (дельта). COVID-19 меняет мир, негативно влияя на экономику, общество, политику, меняет образ жизни, культурные привычки, социальные взаимодействия жителей многих стран. Для борьбы с вирусом ряд государств в качестве эффективной стратегии его предотвращения, в том числе Вьетнам, выбрали социальное дистанцирование, вакцинацию и тщательное применение информационных технологий. Для улучшения

межличностного взаимодействия и социальных отношений в период пандемии широко применяются социальные сети. С одной стороны, это помогает человечеству уменьшить социальные контакты при сохранении необходимой связи, с другой – вызывает множество психологических и социальных проблем в социальных отношениях.

По данным организации Light (2020), отслеживающей случаи домогательств и насилия в сети Интернет, за несколько месяцев число издевательств в социальных сетях увеличилось на 70 %, а уровень

вредоносности на игровых онлайн-платформах повысился на 40 %. В Twitter активно транслируется язык вражды, направленный против китайцев¹.

По оценке международных организаций, Вьетнам – одна из стран, осуществляющая эффективные профилактические меры по борьбе с коронавирусной инфекцией. Однако во время четвертой вспышки Вьетнам столкнулся с особенно серьезными последствиями. Согласно статистике Министерства здравоохранения, по состоянию на 16 сентября 2021 г. зарегистрировано 645 640 случаев заражения (47-е место среди 222 стран в мире). По статистике количества инфекций COVID-19 на 1 млн чел., Вьетнам занимает 156-е место (в среднем на 1 млн чел. приходится 6 562 случаев заражения). Более 412 тыс. выздоровевших пациентов. Среди вылеченных более 6 тыс. тяжелых и очень тяжелых случаев. Количество пациентов и смертельных случаев в основном приходится на четвертую волну (с 27 апреля 2021 г. по настоящее время)².

Одной из эффективных профилактических мер по борьбе с COVID-19 стало социальное дистанцирование. Большинство учащихся (особенно в районах эпидемии) перешли на онлайн-обучение. В связи с этим обнаружилось проблемы, связанные с психическим здоровьем учащихся, в том числе киберзапугивание. По данным компании Microsoft (2020 г.), во Вьетнаме 48 % взрослых и 54 % подростков заявили, что были причастны к киберугрозам: 21 % в качестве жертвы и 38 % – свидетелей³.

Для профилактики киберзапугивания и эффективного психологического вмешательства особенно важно правильно оценить проявления, а также

психологические и социальные факторы, управляющие им.

Цель исследования – оценить проявления и причины киберзапугивания среди подростков в период пандемии и факторы, влияющие на них, особенно факторы, связанные с пандемией COVID-19. Материалы исследования, представленные в статье, ориентируются на меры по предотвращению киберзапугивания среди школьников во время COVID-19 и в подобных ситуациях в будущем.

Обзор литературы

Киберзапугивание – это агрессивное, повторяющееся, преднамеренное действие, совершаемое в отношении человека через электронные формы [1]. Ученые выделяют четыре наиболее известные модели интернет-травли, при этом отмечая, что в каждой есть свои ограничения:

– BGCM (Barlett and Gentile Cyberbullying Model, 2017) – делается акцент на анонимность в сети Интернет [2];

– модель агрессии – выделяется значимость влияния индивидуальных факторов в синтезе с ситуационными [3];

– модель трех «i» Э. Б. Слоттер, И. Дж. Финкеля [4], адаптированная Р. Й. М. Вонгом, К. Л. К. Чуном, Б. Сяо в 2018 г. [5] – рассматриваются ситуационные, индивидуальные переменные;

– социально-экологическая модель «диатез-стресс» С. М. Свирер, Ш. Хаймел (2015) – признает динамическое взаимодействие генетических, социальных и экологических факторов, объясняющих совершение кибертравли [6].

На данном этапе не так много эмпирических исследований, доказывающих серьезные последствия кибербуллинга из-за круглосуточного характера и более широкого включения аудиторий

¹ Social Determinants of Health and Well-Being among Young People. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) Study: International Report from the 2009/2010 Survey / C. Currie [et al.] // Health Policy for Children and Adolescents. 2012. No. 6. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0007/167281/E96444_part1.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

² Vinaresearch Report of Social Media Usage Habits of Vietnamese People 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://vinaresearch.net/public/news/2201-bao-cao-nghien-cuu-thoi-quen-su-dung-mang-xa-hoi-cua-nguoi-viet-nam-2018.vnrs> (дата обращения: 10.01.2022).

³ Microsoft, Civilized Behavior, Safety and Online Interactions – 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.microsoft.com/vi-vn/2021/02/19/nghien-cuu-cua-microsoft-trai-nghiem-truc-tuyen-tai-viet-nam-cai-thien-ro-ret-trong-dai-dich/> (дата обращения: 10.01.2022).

в такую форму запугивания. По данным исследования, проведенного Т. Н. Нэнсел, У. Крейг, от 5 до 20 % детей становятся жертвами издевательств (в зависимости от страны проживания) [7].

Ученые выделяют различные неблагоприятные факторы, которые будут влиять на психическое здоровье человека: повышенная тревожность [8; 9], различные словесные издевательства [10], стресс [11], плохое физическое состояние, неблагоприятная атмосфера в семье и в школе [12].

Наиболее уязвимыми к кибербуллингу являются подростки, не зависимо от страны проживания. Примерами могут послужить исследования причин и последствий киберзапугивания у корейских [13], китайских [14], испанских [15], норвежских [16], тайских, тайваньских [16; 17], яванско-индонезийских [18] подростков, и студентов из Арабских Эмиратов [19], Восточной и Юго-Восточной Азии [20].

Чон Серль Чун, Джунгуп Ли, Чиньюн Ким, Серим Ли, проанализировав 64 международных исследования с целью изучения показателей киберзапугивания, пришли к выводу, что необходимо последовательное и стандартизированное определение киберзапугивания во всем мире. Это позволит дать более точную оценку факторам поведения при киберзапугивании⁴.

В международном отчете о проблемах в поведении детей школьного возраста, влияющих на здоровье (НВSC), подчеркивается, что виктимизация снизилась в возрасте от 11 до 15 лет. В то же время количество случаев издевательств в данном возрасте увеличилось. Отмечаются значимые различия между полами [21]. И. Зых, Р. Ортега-Руис и Р. Дель Рей, напротив, предполагают, что между возрастом, полом и вовлеченностью в издевательства и киберзапугиванием достаточно слабые корреляции [22].

В исследовании австралийских ученых основные результаты показали, что подростки, ставшие жертвами традиционных форм издевательств, сообщили

о том, что они очень повлияли на их дальнейшую жизнь. Подростки, подвергшиеся кибербуллингу, заявили о значительных социальных трудностях и большом уровне тревожности и депрессии [23].

В 2014 г. М. ван Гил, П. Веддер и Дж. Та-нилон проанализировали статьи с 1910 по 2013 г. с целью выявления взаимосвязи между виктимизацией сверстников и попытками самоубийства. Из 491 изученного исследования в 34 была выявлена взаимосвязь между виктимизацией сверстников и суицидальными идеями (отношение шансов – 2.23 [95 % CI, 2.10–2.37]). В девяти изученных исследованиях обнаружена взаимосвязь между виктимизацией и попытками самоубийства (2.55 [1.95–3.34]) среди детей и подростков. В исследовании приняли участие 70 102 чел. [24]. Авторы сравнили влияние киберзапугивания и традиционного запугивания на суицидальные мысли. Было выявлено, что киберзапугивание теснее связано с суицидными идеями (OR, 3.12 [95 % CI, 2.40–4.05]), по сравнению с традиционными издевательствами (2.16 [2.05–2.28]). Такая разница в величине эффекта была значительной ($Q1 = 7.71$; $P = .02$) [24].

В свою очередь, испанские ученые, опросив 1 412 учащихся средних школ, в своем исследовании показали, что подростки с высоким уровнем киберзапугивания имеют высокие баллы по социальному избеганию и стрессу в социальных условиях, по сравнению со сверстниками. Подростки с низким уровнем киберзапугивания продемонстрировали более низкий уровень страха отрицательной оценки и стресса в новых для них ситуациях. Отличия обнаружились по всем шкалам тревожности [25].

В исследованиях в области нейробиологии и генетики появляются данные о том, что последствия издевательств могут длиться всю жизнь. Это связано с нарушением нейроэндокринной реакции на стресс. Составленные генетические профили детей, подвергающихся

⁴ Light Releases Groundbreaking Report on Corona-Related Hate Speech and Online Toxicity: Light. URL: <https://11ght.com/11ght-releases-groundbreaking-report-on-corona-related-hate-speech-and-online-toxicity> (дата обращения: 10.01.2022).

издевательствам, демонстрируют, что они имеют больше риска неблагоприятных последствий и подвержены в дальнейшем виктимизации со стороны сверстников, проблемам психического и физического здоровья [25].

Таким образом, несмотря на значительное количество публикаций по данной проблематике, практически отсутствуют исследования, выявляющие выраженные формы угрозы среди подростков в интернет-пространстве, которые особенно проявились во время ограничительных мер, связанных с COVID-19. Авторы статьи выявили широко распространенные угрозы, используемые в интернет-пространстве при общении подростков и их влияние на психологическое состояние школьников Вьетнама: «запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие», «сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество». Как показало исследование, данные виды киберзапугивания широко применялись во время COVID-19. Экспериментальный материал будет использоваться авторами для создания большой профилактической работы среди школьников Вьетнама.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 787 вьетнамских подростков, отобранных случайным образом, из провинций и городов северного Вьетнама, включая Ханой (представляющий города Вьетнама), Винь Фук (представляющий дельтовые провинции Вьетнама), Хоабинь (представляющий горную местность, этническую группу во Вьетнаме): 6 класс – 85 чел. (10,8 %), 7 класс – 92 чел. (11,7 %), 8 класс – 98 чел. (12,5 %), 9 класс – 89 чел. (11,3 %), 10 класс – 156 чел. (19,8 %), 11 класс – 146 чел. (18,6 %), 12 класс – 121 чел. (15,4 %).

Выборка исследования также была репрезентативна по гендерному составу: 371 юношей (47,1 %) и 416 девушек (52,9 %).

Все респонденты добровольно участвовали в исследовании, были проинформированы о цели исследования, понимали ее, а также выразили согласие к сотрудничеству.

После проведения опроса были отобраны 733 анкеты, отвечающие требованиям. Обработка данных производилась с помощью системы SPSS версии 20.0.

В своем исследовании мы предлагаем рассматривать понятие «киберзапугивание подростков и юношей во время социального дистанцирования в период COVID-19» как косвенные, преднамеренные издевательства через интернет-платформу, направленные на причинение морального и психологического ущерба жертве.

Особенности проявления киберугроз у вьетнамских подростков и юношей анализировались по четырем основным характеристическим группам поведения:

1. Ирония, угрозы – это форма киберзапугивания, осуществляющаяся путем отправки жертве сообщений с целью сарказма, насмешек, нападок, угроз, чтобы жертва чувствовала себя некомфортно или ее психологическое здоровье травмировалось при взаимодействии в социальных сетях.

2. Вторжение в частную жизнь – форма киберзапугивания, при которой несанкционированно присваиваются и используются личные учетные записи на интернет-платформе или несанкционированно осуществляется обмен и распространение личной информации с целью причинения вреда жертве.

3. Мошенничество через социальные сети – это использование социальных сетей для нарушения законных имущественных прав других лиц, распространение ложной информации в корыстных целях или для причинения психологического вреда жертве.

4. Сексуальное домогательство – преднамеренное неконтактное домогательство через сообщения, слова, символы, изображения, видео, отправленные через социальные сети, имеющие сексуальный характер и негативно влияющие на психику жертвы. Это опасная форма поведения при киберзапугивании.

В данном исследовании подростки рассматривались в двух аспектах: как преследователи (субъекты) и жертвы (объекты) киберзапугивания.

Для решения исследовательских задач мы использовали следующие методы:

изучение документов, анкетирование и математическая статистика.

Критериями для оценивания были:

- 1) статус использования социальных сетей во время социального дистанцирования;
- 2) проявление и уровень киберзапугивания у вьетнамских подростков и юношей;
- 3) факторы, влияющие на киберзапугивание.

Вопросы анкеты построены с учетом предложенного нами понимания модели киберзапугивания. Надежность анкеты проверена с помощью альфа-коэффициента (ANOVA-тест) и факторного анализа EFA.

Результаты исследования

Результаты проверки достоверности полученных данных. Результаты анализа надежности шкалы проявлений киберзапугивания у вьетнамских подростков

и юношей показывают, что достоверность подшкал «запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие» ($\alpha = 0,816$ и $0,828$) и «сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество» ($\alpha = 0,860$ и $0,853$) достигла значения выше $0,8$ (табл. 1).

Коэффициент α всех выражений в двух подшкалах колеблется от $0,566$ до $0,762$ и показывает, что конкретные выражения тесно коррелируют друг с другом и общей шкалой. Таким образом, проверка ANOVA на надежность шкалы демонстрирует высокую достоверность конкретных проявлений киберзапугивания в полученных ответах подростков и выбранных стратегий борьбы с данным видом преступлений ($\alpha = 0,857$). Все проявления стратегий борьбы с киберзапугиванием коррелируют с суммой переменной в допустимых пределах ($\alpha > 0,4$) (табл. 2).

Таблица 1. Показатели надежности шкалы киберзапугивания у вьетнамских подростков (ANOVA-тест)

Table 1. Data on the reliability of the cyberbullying scale in Vietnamese adolescents (ANOVA test)

Проявление киберзапугивания / Manifestation of the cyberbullying	Как субъект киберзапугивания / As the subject of the cyberbullying		Как пострадавший от киберзапугивания / As the object of the cyberbullying	
	Общая корреляция / Corrected Item-Total Correlation	Альфа-анализ Кронбаха / Cronbach's Alpha if Item Deleted	Общая корреляция / Corrected Item-Total Correlation	Альфа-анализ Кронбаха / Cronbach's Alpha if Item Deleted
<i>Запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие / Invasion of privacy and psychological violence</i>				
P2.C1.MM4	0,618	0,777	0,615	0,797
P2.C1.MM6	0,588	0,790	0,630	0,792
P2.C1.MM7	0,689	0,757	0,672	0,781
P2.C1.RT5	0,627	0,777	0,637	0,791
P2.C1.RT6	0,568	0,798	0,575	0,809
Коэффициент альфа / Alpha coefficient	0,816		0,828	
<i>Сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество / Sexual harassment and Internet scams</i>				
P2.C1.HD5	0,581	0,848	0,693	0,822
P2.C1.HD7	0,672	0,832	0,583	0,841
P2.C1.HD8	0,561	0,863	0,566	0,841
P2.C1.LG2	0,670	0,833	0,623	0,833
P2.C1.LG4	0,735	0,823	0,703	0,817
P2.C1.LG6	0,762	0,820	0,711	0,815
Альфа-коэффициент / Alpha coefficient	0,860		0,853	
Альфа-коэффициент борьбы с киберзапугиванием / Alpha coefficient of response to cyberbullying			0,857	

Таблица 2. Результаты анализа фактора ЕФА проявлений киберзапугивания у вьетнамских подростков

Table 2. The results of the analysis of the EFA factor of cyberbullying manifestations in Vietnamese adolescents

Проявление киберзапугивания / Manifestation of the cyberbullying	Как субъект киберзапугивания / As the subject of the cyberbullying		Как пострадавший от киберзапугивания / As the object/victim of the cyberbullying	
	Факторы / Factors		Факторы / Factors	
	1	2	1	2
P2.C1.MM4		0,800		0,666
P2.C1.MM6		0,772		0,776
P2.C1.MM7		0,768		0,783
P2.C1.RT5		0,647		0,725
P2.C1.RT6		0,406		0,682
P2.C1.LG2	0,719		0,755	
P2.C1.LG4	0,840		0,830	
P2.C1.LG6	0,857		0,796	
P2.C1.HD5	0,708		0,737	
P2.C1.HD7	0,685		0,619	

Для оценки степени конвергенции и дискриминации проявлений киберзапугивания у вьетнамских подростков используется инструмент факторного анализа ЕФА для обеих шкал (как субъект и пострадавший от киберзапугивания).

Результаты факторного анализа показали, что коэффициент Кайзера – Мейера – Опкина (КМО) для обеих шкал был выше 0,8 ($0,5 < \text{КМО} < 1$). Эта статистика обеспечивает необходимые условия для анализа проявлений киберзапугивания в данном примере исследования. Критерий Бартлетта достигает высокого уровня значимости в обеих подшкалах ($p = 0,00$), показывая, что проявления киберзапугивания коррелируют друг с другом. Общие извлеченные дисперсии обеих шкал составляют более 50 %, свидетельствуя о достоверности полученных данных по модели ЕФА.

Анализ конкретных проявлений киберугроз показывает, что проявления в обеих шкалах сходятся в двух группах: «сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество», «запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие». Коэффициенты выражений киберзапугивания выше 0,6, что позволяет подтвердить наше предположение о том,

что проявления киберзапугивания тесно коррелируют и отражают типичные признаки указанных групп.

Таким образом, анализ надежности шкалы с помощью теста ANOVA и анализ степени дискриминации и конвергенции в проявлениях киберзапугивания с помощью факторного анализа ЕФА показывают, что инструмент исследования обеспечивает надежность при оценке проявлений киберзапугивания у вьетнамских подростков и юношей.

Использование социальных сетей вьетнамскими подростками и юношами во время социального дистанцирования в период COVID-19. Чтобы определить степень, выражение и факторы, влияющие на киберзапугивание во время социального дистанцирования, необходимо было прояснить реальность использования школьниками социальных сетей. Оценка времени, проводимого опрашиваемыми детьми в социальных сетях в рассматриваемый период, вызывает серьезную озабоченность (табл. 3).

50 % вьетнамских подростков использовали социальные сети более 3 ч в день, в том числе 20 % – более 5 ч и всего 14,2 % – менее 1 ч.

Таблица 3. Время использования социальных сетей подростками и юношами во время социального дистанцирования

Table 3. Time of using social media/networks by teenagers and young men during social distancing

Время использования социальных сетей в течение дня / Time using social media in a day	Пол / Gender				Всего / Total	
	Мужчина / Man		Женщина / Woman			
	чел. / people	%	чел. / people	%	чел. / people	%
Меньше 1 ч. / <1 hours	69	18,8	35	9,6	104	14,2
1–2 ч / 1–2 hours	64	17,5	58	15,8	122	16,6
2–3 ч / 2–3 hours	69	18,8	64	17,5	133	18,2
3–4 ч / 3–4 hours	60	16,3	55	15,0	115	15,7
4–5 ч / 4–5 hours	44	12,0	63	17,2	107	14,6
Больше 5 ч / > 5 hours	61	16,6	91	24,9	152	20,7
Всего / Total	367	100	366	100	733	100

Согласно исследованию, опубликованному в 2018 г. Vinaresearch (организация по изучению бизнес-рынка во Вьетнаме), в среднем вьетнамцы используют социальные сети примерно 2,12 ч в день. Таким образом, в период социального дистанцирования подростки и юноши использовали социальные сети чаще [26].

Анализ данных по гендерному соотношению показывает, что процент девушек, проводящих время в социальных сетях больше, чем юношей. Девушки, пользующиеся интернетом более 3 ч в день, составили 57,1 %, а юноши – 44,9 %.

В условиях социального дистанцирования увеличилось количество школьников, использующих социальные сети более 3 ч в день и даже 5 ч, что вызывает серьезные опасения. Слишком частое пребывание в социальных сетях в течение дня может привести к риску зависимости и другим проблемам психического здоровья.

Исследование цели использования социальных сетей подростками и юношами показало, что подростки пользуются ими в основном в развлекательных и учебных целях: «разговор и обмен информацией» (77,6 %), «онлайн-игра» (61,3 %), «слушать музыку» (76,9 %), «обучение» (70,4 %), «просмотр фильмов» (72,9 %), «поиск информации» (59,5 %). «Покупка», «отправка электронных писем», «чтение новостей» составляют меньший процент.

Популярными социальными сетями были названы Facebook (86,4 %), YouTube (82,3 %), TikTok (56,9 %), Instagram (45,8 %), Zalo (40,4 %). Viber, Twitter используются редко.

Проявления и уровни киберзапугивания у вьетнамских подростков и юношей во время социального дистанцирования в период COVID-19. В таблице 4 представлены результаты частоты вовлеченности в ситуации киберзапугивания, с которыми столкнулись подростки и юноши.

Статистика по среднему баллу ($\bar{X} = 3,13$) показывает, что с киберзапугиванием каждый из опрошенных столкнулся, находясь в социальных сетях в среднем три раза в день. Согласно статистике по частоте выражения такой формы угрозы, 76,5 % подростков, юношей считают, что ситуация с киберзапугиванием возникла у них именно во время социального дистанцирования при частоте «иногда», «часто» или «очень часто».

39,6 % подростков, юношей признали, что киберзапугивание происходит «часто» и «очень часто».

В таблице 5 представлены подробные результаты исследования проявления киберзапугивания у подростков и юношей в двух формах: «запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие», «сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество».

Т а б л и ц а 4. Частота вовлеченности в ситуации кибербуллинга среди вьетнамских подростков, юношей во время социального дистанцирования в период COVID-19

Table 4. Frequency of cyberbullying among Vietnamese teenagers, young men during social distancing due to COVID-19

Частота вовлеченности / Frequency of involvement	Пол / Gender					
	Юноши / Man		Девушки / Woman		Всего / Total	
	чел. / people	%	чел. / people	%	чел. / people	%
Очень редко / Occasionally	69	18,8	48	13,1	117	16,0
Редко / Rarely	30	8,2	25	6,8	55	7,5
Иногда / Sometime	123	33,5	148	40,4	271	37,0
Часто / Frequently	93	25,3	104	28,4	197	26,9
Очень часто / Very frequently	52	14,2	41	11,2	93	12,6
\bar{X}		3,08		3,18		3,13

Т а б л и ц а 5. Проявления киберзапугивания у вьетнамских подростков и юношей во время социального дистанцирования в период COVID-19

Table 5. Manifestations of cyberbullying in Vietnamese adolescents and young men during social distancing due to COVID-19

Проявления киберзапугивания у вьетнамских подростков, юношей / Manifestations of cyberbullying in Vietnamese adolescents and young men	В качестве субъекта поведения / As the subject of the cyberbullying			В качестве пострадавшего / As the object/victim of the cyberbullying			
	Количество / Quantity		\bar{X}	Количество / Quantity		\bar{X}	
	чел. / people	%		чел. / people	%		
1	2	3	4	5	6	7	
<i>Запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие / Invasion of privacy and psychological violence</i>			1,20			1,27	
ММ4: Издеваюсь над людьми, которые не нравятся / ММ4: Trolling people, who I don't like online	Никогда / Very rarely Редко / Rarely Иногда / Sometime Часто / Frequently Очень часто / Very frequently	633 60 30 9 1	86,4 8,2 4,1 1,2 0,1	1,20	612 69 37 10 5	83,5 9,4 5,0 1,4 0,7	1,26
ММ6: Клевета на других в социальных сетях / ММ6: Speaking of others on social media	Никогда / Very rarely Редко / Rarely Иногда / Sometime Часто / Frequently Очень часто / Very frequently	597 82 36 13 5	81,4 11,2 4,9 1,8 0,7	1,29	611 66 38 11 7	83,4 9,0 5,2 1,5 1,0	1,27
ММ7: Ироничные, негативные отзывы о фото и информации других людей / ММ7: Ironic, negative commenting on other people's pictures, information, embarrassing them	Никогда / Very rarely Редко / Rarely Иногда / Sometime Часто / Frequently Очень часто / Very frequently	634 65 24 8 2	86,5 8,9 3,3 1,1 0,3	1,19	616 64 36 11 6	84,0 8,7 4,9 1,5 0,8	1,26
RT5: Самовольный вход в чужую личную запись / RT5: Arbitrarily logging into someone else's personal page	Никогда / Very rarely Редко / Rarely Иногда / Sometime Часто / Frequently Очень часто / Very frequently	620 64 31 9 9	84,6 8,7 4,2 1,2 1,2	1,25	595 75 43 10 10	81,2 10,2 5,9 1,4 1,4	1,31

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3	4	5	6	7	8
RT6: Атака, захват личных записей других людей для использования / RT6: Hack someone else's personal page to use	Никогда / Very rarely	690	94,1	1,09	617	84,2	1,27
	Редко / Rarely	25	3,4		63	8,6	
	Иногда / Sometime	11	1,5		28	3,8	
	Часто / Frequently	5	0,7		16	2,2	
	Очень часто / Very frequently	2	0,3		9	1,2	
<i>Сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество / Sexual harassment and Internet scams</i>				1,06			1,14
HD5: Использование непристойных символов в общении / HD5: Using symbols related to sex when talking online	Никогда / Very rarely	698	95,2	1,07	679	92,6	1,11
	Редко / Rarely	21	2,9		31	4,2	
	Иногда / Sometime	11	1,5		19	2,6	
	Часто / Frequently	2	0,3		2	0,3	
	Очень часто / Very frequently	1	0,1		2	0,3	
HD7: Публикация эротического фото в социальных сетях / HD7: Sharing sexual images online	Никогда / Very rarely	699	95,4	1,07	673	91,8	1,15
	Редко / Rarely	17	2,3		26	3,5	
	Иногда / Sometime	12	1,6		18	2,5	
	Часто / Frequently	4	0,5		9	1,2	
	Очень часто / Very frequently	1	0,1		7	1,0	
LG2: Онлайн-мошенничество / LG2: Using social media to deceive others	Никогда / Very rarely	697	95,1	1,07	651	88,8	1,19
	Редко / Rarely	21	2,9		41	5,6	
	Иногда / Sometime	11	1,5		30	4,1	
	Часто / Frequently	3	0,4		5	0,7	
	Очень часто / Very frequently	1	0,1		6	0,8	
LG4: Использование социальных сетей для распространения ложной информации / LG4: Using social media to spread fake news	Никогда / Very rarely	706	96,3	1,06	681	92,9	1,12
	Редко / Rarely	14	1,9		27	3,7	
	Иногда / Sometime	8	1,1		13	1,8	
	Часто / Frequently	5	0,7		10	1,4	
	Очень часто / Very frequently	0	0,0		2	0,3	
LG6: Использование поддельных записей для заимствования денег в сети Интернет / LG6: Using a fake account to borrow money online	Никогда / Very rarely	712	97,1	1,05	687	93,7	1,11
	Редко / Rarely	10	1,4		19	2,6	
	Иногда / Sometime	5	0,7		16	2,2	
	Часто / Frequently	6	0,8		8	1,1	
	Очень часто / Very frequently	0	0,0		3	0,4	
	\bar{X}		1,13			1,21	

При анализе проявлений киберзапугивания у вьетнамских подростков, юношей, согласно нашей исследовательской модели, мы сосредоточились на выявлении следующих групп поведения:

- 1) ирония, угрозы;
- 2) вторжение в частную жизнь;
- 3) мошенничество в социальных сетях;
- 4) сексуальные домогательства в социальных сетях.

Результаты анализа надежности конкретных проявлений с помощью проверки надежности ANOVA и факторного анализа EFA показали, что проявления киберзапугивания сосредоточены в двух основных группах: «запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие», «сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество». В связи с этим было выявлено, что акты запугивания

проявляются в той или иной степени почти у 20 % подростков в сложных формах поведения в виде угроз, оскорблений, сексуальных домогательств, непосредственно причиняющих вред психике жертвы, а также в поведении, посягающем на конфиденциальность, законные права и интересы других лиц.

К первой группе отнесены респонденты, которые признались, что были субъектами или жертвами различных форм поведения запугивания: «издеваюсь над людьми, которые не нравятся», «клевета на других в социальных сетях», «ироничные, негативные отзывы о фото и информации других людей» (15–20 %). Это типичное поведение, которое представляет собой психологическое насилие в социальных сетях и может причинить психологический вред жертве и субъекту киберзапугивания.

Кроме того, акты вторжения в частную жизнь через социальные сети также сопровождаются тревожными выражениями, в том числе: «атака, захват личных учетных записей других людей для использования» (16 %), «произвольный вход в чужие личные счета» (около 20 % подростков стали жертвами).

Ко второй группе «сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество» отнесены респонденты, ставшие субъектом или жертвой этих форм поведения (10 %). В этой группе форма поведения «сексуальное домогательство» проявляется двумя основными выражениями: «использование фото и непристойных символов», «публикация эротического фото, видео в социальных сетях».

Форма поведения группы «онлайн-мошенничество» также вызывает большую тревогу. Результаты исследования показывают, что существует три типа онлайн-мошенничества: «использование социальных сетей для обмана других», «использование социальных сетей для распространения фальшивой информации», «использование поддельных аккаунтов для заимствования денег в интернете». Они напрямую нарушают законные права и интересы других лиц, поэтому не только являются

киберзапугиванием, но и явными признаками нарушения закона.

Факторы, влияющие на уровень кибербуллинга у подростков и юношей во время социального дистанцирования в период COVID-19. В нашем исследовании анализируются взаимосвязи и влияние следующих факторов на киберзапугивание: пола, места жительства, курса обучения (возраста), академических способностей, нравственности, уровня, типа, цели использования социальных сетей, стратегий борьбы с киберзапугиванием, опыта взаимодействия с киберзапугиванием (табл. 6).

Значительная корреляция с уровнем киберзапугивания у вьетнамских подростков и юношей обнаружилась у таких факторов, как пол, место жительства, курс обучения (возраст), академические способности, уровень использования социальных сетей, типы, цели использования социальных сетей, стратегии борьбы с киберзапугиванием, опыты связи с киберзапугиванием. Между нравственностью и киберзапугиванием взаимосвязей не обнаружено.

Пол слабо коррелирует с киберзапугиванием ($p < 0,001$). Результаты проверки Т-теста показывают значительную разницу в среднем балле между юношами и девушками, при этом юношей, использующих социальные сети, меньше, но они с большей вероятностью становятся жертвами киберзапугивания, чем девушки.

Фактор «курс обучения (возраст)» слабо коррелирует с киберзапугиванием как в качестве субъекта, так и в качестве жертвы (рис. 1). Обнаружено, что юноши – учащиеся 10-го класса чаще проявляют тактику киберзапугивания, чем в 6–8-х классов, как в качестве предмета, так и жертвы. Данной категории необходимо уделять особое внимание при проведении профилактики киберзапугивания.

Наблюдались отличия в уровне запугивания в социальных сетях среди подростков и юношей с разным уровнем использования социальных сетей ($p < 0,001$). Чем больше подростки и юноши тратят времени на социальные сети, тем выше их риск стать жертвой или субъектом киберзапугивания.

Т а б л и ц а 6. Корреляция между факторами, влияющими на киберзапугивание у вьетнамских подростков и юношей

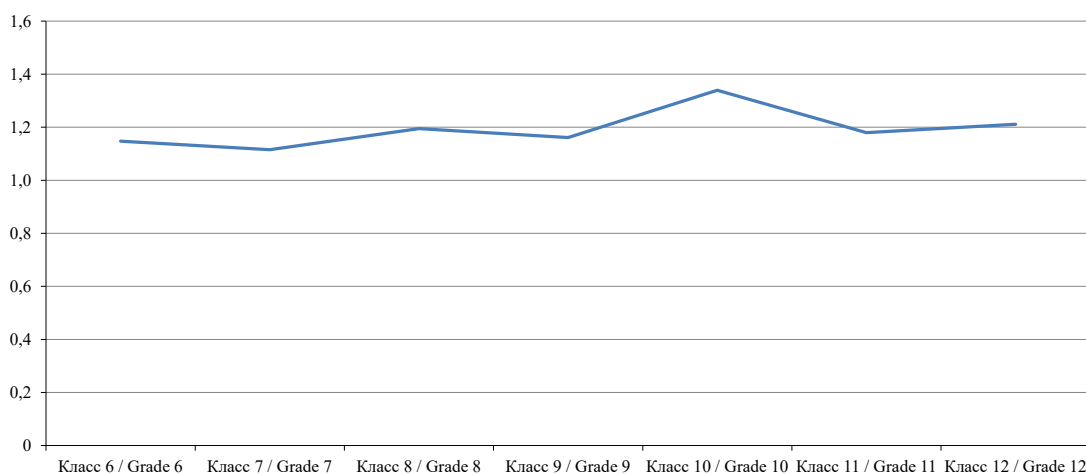
Table 6. Correlation between influencing factors on cyberbullying in Vietnamese adolescents and young men

Факторы, влияющие на киберзапугивание у подростков / Influence Factors	Корреляция / Correlation	Субъект / As a subject	Жертва / As a object
1	2	3	4
Пол / Sex	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	-0,072	-0,104**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	-0,045	-0,110**
Возраст / Age	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,060	0,079*
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,101**	0,087*
Академические способности / Learning capacity	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,102**	0,048
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,026	-0,015
Место проживания / Resident	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,040	0,079*
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,067	0,058
Уровень использования социальных сетей / Time of using social media	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,185**	0,143**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,176**	0,138**
<i>Корреляция между типами социальных сетей и киберзапугиванием / Correlation between type of social media and cyberbullying</i>			
Facebook	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,109**	0,116**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,188**	0,170**
Instagram	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,112**	0,096**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,155**	0,123**
TikTok	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,080*	0,075*
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,062	0,083*
<i>Корреляция между целями использования и киберзапугиванием / Correlation between the purpose of using social media and cyberbullying</i>			
Личный чат / The purpose of using social networks for chat	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,144**	0,153**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,182**	0,198**
Размещение фотографий в социальных сетях / Post photos on social media	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,129**	0,148**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,169**	0,157**
Групповой чат / The purpose of using social media for group chat	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,101**	0,063
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,175**	0,123**

Окончание табл. 6 / End of table 6

1	2	3	4
Онлайн-игры / The purpose of using social media for online game	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,136**	0,105**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,098**	0,103**
Онлайн-покупки / The purpose of using social networks for buy and sell	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,082*	0,118**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,136**	0,115**
E-mail	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,136**	0,159**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,107**	0,144**
<i>Корреляция между борьбой с киберзапугиванием и уровнями киберзапугивания / Correlation between the ability to respond to cyberbullying and the degree of cyberbullying</i>			
UPCS	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,151**	0,180**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,079*	0,200**
UPNT	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,134**	0,138**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,193**	0,199**
UPTD	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,508**	0,421**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,451**	0,391**
UPTN	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	0,100**	0,136**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	0,088*	0,200**
Уровень киберзапугивания (подросток как субъект) / Level of cyberbullying (as a subject)	Коэффициент корреляции Пирсона / Pearson Correlation	1	0,648**
	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman's rho	1	0,608**

Р и с. 1. Различия в уровне киберзапугивания по курсам обучения
F i g. 1. Differences in the level of cyberbullying across training courses

Значительная разница в уровне проявления киберзапугивания имеется между группой школьников, пользующихся социальными сетями менее 1 ч в день, и группой школьников, использующих их 3–4 ч и более 5 ч в день (рис. 2). Использование социальных сетей более 3 ч в день подвергает школьников высокому риску интернет-зависимости и проблемам психического здоровья.

Академическая способность и место жительства в меньшей степени повлияли на проявления киберзапугивания у подростков, юношей во время социального дистанцирования.

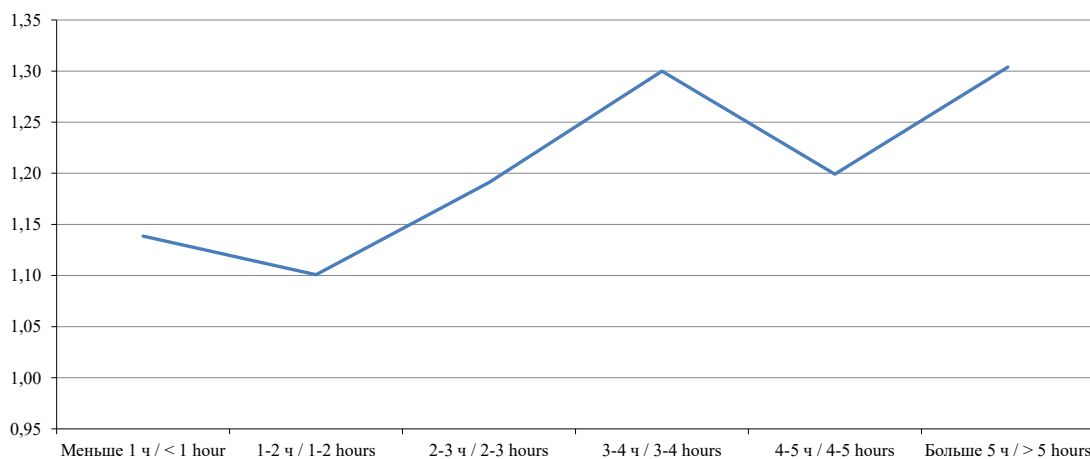
Типы социальных сетей также в значительной степени коррелировали со степенью киберзапугивания с точки зрения как субъекта, так и жертвы поведения запугивания. Результаты исследования показывают, что значительно коррелируют с проявлением киберзапугивания соцсети Facebook, Instagram, TikTok ($p < 0,001$).

Цель использования социальных сетей также оказала воздействие на поведение запугивания на онлайн-платформах: школьники, использующие социальные сети для общения, публикации личных фотографий, игр, отправки электронных писем, покупок, проявляют себя как субъекты

и жертвы киберзапугивания выше, чем подростки, использующие социальные сети для других целей ($p < 0,001$).

Преодоление подростками и юношами трудностей, возникающих в жизни, – один из важных факторов психологической жизни, напрямую влияющих на способность сбалансировать психологическое здоровье и ограничить возникновение психологических проблем. Уровень киберзапугивания в значительной степени коррелирует со стратегией негативной борьбы с киберугрозами ($p < 0,001$). Подросток, столкнувшись с запугиванием, при отсутствии надлежащей реакции, имеет высокий риск подвергнуть себя другим конфликтам и стать жертвой дальнейших угроз.

Так, наиболее сильным корреляционным фактором, влияющим на киберзапугивание, являются опыты подростков в качестве субъектов или жертв в поведении запугивания. Существуют сильная положительная и значимая корреляции между подростками и юношами, которые были и преследователями, и жертвами ($p = 0,000$). Это позволяет сделать вывод о том, что школьники, испытавшие киберзапугивание, будут иметь высокий риск стать жертвами таких проявлений в поведении и наоборот.

Р и с. 2. Различия в уровне киберзапугивания у подростков и юношей с разным временем использования социальных сетей

Fig. 2. Differences in the level of cyberbullying among adolescents and young men with different time of using social media

Статистический результат также показывает существование «круга поведения запугивания и эмоциональной эскалации» для подростков и юношей, которые одновременно стали и субъектами и жертвами киберзапугивания.

Результаты корреляционного анализа между влияющими факторами и уровнем проявления киберзапугивания у рассматриваемой группы школьников во время социального дистанцирования показали значительную корреляцию. Для определения степени воздействия различных факторов на уровень киберзапугивания мы использовали многомерный регрессионный анализ.

Анализ влияния факторов на проявление киберзапугивания у подростков как субъектов поведения показывает, что на запугивающее поведение оказывают влияние академические способности, цель киберзапугивания, стратегии борьбы с запугиванием, опыты киберзапугивания (в качестве жертвы киберзапугивания).

Результаты многомерного регрессионного анализа показывают (коэффициент Дарбина – Уотсона < 2), что регрессионная модель не имеет автокорреляции первого порядка (коэффициент Дарбина – Уотсона = 1,963). Скорректированный коэффициент ($R^2 = 0,502$) позволяет определить регрессионную модель

и объяснить 50,2 % вариации поведения запугивания.

F-тестирование дает высокий уровень значимости ($p = 0,00$), подтверждающий, что факторы в регрессионной модели оказывают значительное влияние на уровень выражения киберзапугивания у вьетнамских школьников (табл. 7).

Полученный результат многомерного регрессионного анализа с индексом VIF < 2 (по всем переменным) позволяет сделать вывод об отсутствии мультиколлинеарности в регрессионной модели. Тест по всем переменным показывает уровень значимости ($p < 0,05$), тем самым, доказывая, что переменные, проанализированные в модели, значимы для объяснения уровня киберзапугивания (табл. 8).

Показатель запугивания (подросток выступает в качестве жертвы) и стратегия борьбы с запугиванием сильно влияют на уровень киберугроз. Согласно такой модели, если уровень запугивания в этом случае повысится на 1 ед., риск запугивания для других подростков (в качестве объекта) увеличивается на 0,511 ед. Во-вторых, стратегия борьбы с киберзапугиванием также значительно усилит уровень киберзапугивания. Если стратегия борьбы с киберзапугиванием негативным ответом увеличится на 1 ед., уровень киберзапугивания (в качестве субъекта) также повысится на 0,28 ед.

Т а б л и ц а 7. Коэффициент регрессии факторов, влияющих на киберзапугивание у вьетнамских подростков и юношей (в качестве субъекта поведения)

Table 7. Regression coefficient of factors influencing cyberbullying in Vietnamese adolescents and young men (as a subject of behavior)

Факторы, влияющие на киберзапугивание / Factors influencing cyberbullying	B	Std. Error	Beta	t	Sig.	Tolerance	VIF
(Constant)	,301	,046	–	–	–	–	–
Академические способности / Learning capacity	,033	,011	,078	2,975	,003	,986	1,014
Уровень использования социальных сетей / Social Media Usage Level	,016	,005	,078	2,931	,003	,952	1,050
Использование социального сайта для обучения / Using social networks for learning	,048	,018	,068	2,599	,010	,982	1,018
Использование социального сайта для онлайн-игры / Using social networks to play games	–,053	,020	–,071	–2,673	,008	,962	1,039
Отрицательная борьба / Negative reactions to cyberbullying	,148	,015	,280	9,681	,000	,816	1,225
Киберзапугивания (подросток как жертва) / Experience being as a victim of cyberbullying	,399	,023	,511	17,588	,000	,807	1,239

Т а б л и ц а 8. Уровневая регрессионная модель киберзапугивания (подросток выступает в качестве субъекта поведения)

Table 8. Level regression model of cyberbullying (as a subject of behavior)

=0,511x Показатель запугивания в качестве жертвы / Level of cyberbullying (as a victim)
+0,280x Отрицательный ответ на киберзапугивание / Negative reactions to cyberbullying
+0,078x Академическая способность / Learning capacity
+0,078x Время использования социальных сайтов / Time of using social networks
-0,071x Цель обучения / The purpose of using social networks/media for learning
+0,068x Цель игры / The purpose of using social networks/media to play games
+ε

Время использования, академическая способность, цель использования социальных сетей для игр или учебы меньше влияют на такой вид угроз. В частности, использование социальных сетей для обучения отрицательно сказывается на поведении запугивания. Если уровень использования подростками социальных сетей в учебных целях увеличится на 1 ед., уровень издевательств над другими через социальные сети снизится на 0,071 ед.

Результат многомерного регрессионного анализа влияния факторов на степень киберзапугивания у вьетнамских подростков и юношей (как жертв) показывает, что регрессионная модель объясняет 44,5 % вариации риска киберзапугивания (скорректированный коэффициент $R^2 = 0,445$).

Коэффициент Дарбина – Уотсона находится в допустимых пределах и показывает отсутствие автокорреляции первого порядка (коэффициент DW = 2,02). F-тестирование дает абсолютный уровень значимости ($p = 0,000$), позволяющий подтвердить гипотезу H_1 о факторах в модели, существенно влияющих на степень киберзапугивания у подростков (табл. 9).

Было выявлено, что в регрессионной модели отсутствует мультиколлинеарность ($VIF < 2$). Коэффициенты регрессии допускают подтверждение поведения запугивания подростков (в качестве субъектов), стратегии борьбы с запугиванием, пол, место жительства, цель использования социальных сетей (для общения, покупок). Данные факторы значительно влияют на степень киберзапугивания.

Т а б л и ц а 9. Коэффициент регрессии факторов, влияющих на киберзапугивание у вьетнамских подростков и юношей (в качестве жертвы)

Table 9. Regression coefficient of factors influencing cyberbullying in Vietnamese adolescents and young men (as a victim)

Факторы, влияющие на киберзапугивание / Factors influencing cyberbullying	B	Std. Error	Beta	t	Sig.	Tolerance	VIF
(Constant)	,227	0,070	–	3,261	0,001	–	–
Отрицательная борьба / Negative reactions to cyberbullying	,081	0,022	0,120	3,713	0,000	0,729	1,372
Пол / Sex	–,067	0,025	–0,076	–2,688	0,007	0,946	1,057
Цель – личный чат / The purpose of using social networks to chat	,078	0,032	0,074	2,422	0,016	0,820	1,220
Цель – групповой чат / The purpose of using social networks to group chat	–,057	0,028	–0,065	–2,081	0,038	0,767	1,305
Цель – онлайн-покупки / The purpose of using social networks to buy and sell	,056	0,031	0,057	1,837	0,067	0,800	1,251
Цель – отправка сообщений / The purpose of using social networks to spread news	,068	0,031	0,066	2,203	0,028	0,851	1,176
Место проживания / Residence	,064	0,027	0,066	2,365	0,018	0,976	1,025
Киберзапугивания (подросток как субъект) / Level of cyberbullying (as a subject of bullying)	,725	0,041	0,566	17,524	0,000	0,726	1,376

Представим регрессионную модель для факторов, влияющих на риск киберзапугивания у вьетнамских подростков, юношей (в качестве пострадавшего) (табл. 10).

По результатам регрессионного анализа было определено, что на уровень киберзапугивания, когда подросток выступает в качестве пострадавшего, существенно влияют стратегии борьбы с киберзапугиванием, место жительства, цель использования социальных сетей (отправка сообщений, приватный чат, покупки), пол.

Если факторы «Пол» и «Групповой чат» имеют отрицательный эффект (т. е. уровень запугивания у мужчин больше, чем у женщин), то остальные факторы положительно влияют на проявления киберзапугивания.

Среди проанализированных факторов уровень киберзапугивания (подросток выступает в качестве пострадавшего) наиболее сильно зависит от степени издевательств (в качестве субъекта поведения). Если агрессивное поведение подростков увеличивается на 1 ед., риск киберзапугивания (в качестве пострадавшего) повысится до 0,566 ед.

Когда уровень негативной реакции в борьбе с киберзапугиванием увеличивается на 1 ед., уровень киберзапугивания (подросток выступает в качестве пострадавшего) повысится на 0,12 ед.

Остальные факторы также оказывают влияние, но уровень их воздействия на киберзапугивание не высок.

В отличие от других факторов, способствующих поведению запугивания, пол и цель использования социальных сетей

(в качестве форумов для групповых обсуждений) имеют противоположные эффекты по отношению к риску возникновения запугивания. Это еще раз подтверждает, что юноши имеют более высокий риск киберзапугивания, чем девушки. Среди других форм онлайн-общения групповое общение снижает риск запугивания по сравнению с другими формами взаимодействия. Кроме того, подростки, юноши, проживающие в сельской местности, используют социальные сети для онлайн-покупок или отправки сообщений, что также увеличивает риск киберзапугивания.

Обсуждение и заключение

На основании теоретического и практического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Из-за воздействия COVID-19 и социального дистанцирования вьетнамские подростки и юноши ограничены в социальных контактах. В это время они в основном живут и учатся в интернет-домах. Высокие коммуникативные потребности подростков увеличили их время онлайн-контактов. Многие подростки проводят более 3 ч и даже 5 ч в день, общаясь в сети Интернет с основной целью развлечения, обмена информацией, обучения и покупок. Популярными социальными сетями стали Facebook, TikTok, Zalo, Youtube, Instagram. Время использования социальных сетей резко увеличилось. Основная цель использования – развлечения и усиление социального взаимодействия в очень «открытых» социальных сетях. Это создает множество негативных рисков для школьников.

Таблица 10. Уровневая регрессионная модель киберзапугивания (подросток выступает в качестве пострадавшего)

Table 10. Level regression model of cyberbullying (as a victim)

=0,566x	Уровень издевательств (в качестве субъекта поведения) / Level of cyberbullying (as a subject of bullying)
+0,120x	Отрицательный ответ на киберзапугивание / Negative reactions to cyberbullying)
+0,066x	Место проживания / Residence
+0,066x	Цель – отправка сообщений / The purpose of using social networks to spread news
+0,074	Личный чат / The purpose of using social networks to chat
+0,067x	Покупки / The purpose of using social networks to buy and sell
-0,076x	Пол / Sex
-0,065x	Групповой чат / The purpose of using social networks to group chat
+ε	

2. В период социального дистанцирования проявления киберзапугивания у вьетнамских подростков и юношей увеличиваются на тревожном уровне, сосредоточившись в основном на двух группах поведения: «сексуальное домогательство и онлайн-мошенничество», «запугивание, нарушение частной жизни и психологическое насилие». В той или иной степени киберзапугивание проявляется у 20 % подростков, юношей в форме сложного поведения, которое не только является угрожающим, оскорбительным, сексуальным домогательством, но и прямым нарушением неприкосновенности частной жизни, даже нарушением законных прав и интересов других лиц. Это очень тревожная проблема с точки зрения управления поведением в социальных сетях.

3. Определение различий с помощью ANOVA, Т-теста, отношений коэффициентов корреляции Спирмена и Пирсона, регрессионной модели по факторам, которые управляют проявлением киберзапугивания (подросток как субъект поведения) и степенью киберзапугивания (подросток в качестве пострадавшего) показало, что место жительства, курс обучения (возраст), время, цели использования социальных сетей (для общения, игр, покупок, публикаций фотографий), типа социальной сети, опыты связи с киберзапугиванием (в качестве субъекта или пострадавшего), стратегии борьбы с киберзапугиванием являются важными факторами, вызывающими киберзапугивание.

4. Учащиеся 10-х классов, которые тратят на социальные сети более 3 ч в день и регулярно взаимодействуют в открытых социальных сетях, таких как Facebook, TikTok, Instagram, часто используют негативные формы борьбы с киберзапугиванием. Это характерно для тех подростков, юношей которые испытали киберзапугивание (в качестве субъекта или пострадавшего). Они имеют высокий риск продолжить издевательства над другими или стать жертвой киберзапугивания в дальнейшем.

5. Киберзапугивание среди подростков и юношей проявляется как причина

поведения, так и следствие. Подростки, издевающиеся над другими, имеют высокий риск стать жертвой угроз. Наоборот, те подростки, над которыми издевались, чаще становятся субъектом издевательства. Это замкнутый причинно-следственный цикл киберзапугивания. Посредническим фактором, управляющим этим циклом, является негативная борьба подростков с киберзапугиванием.

Рекомендации к решению данной проблемы:

1. Наряду с трудностями, вызванным социальным дистанцированием, результаты исследования киберзапугивания подростков и юношей показали значимость заявленной проблемы, требующей особого внимания для налаживания межличностных отношений среди подростков и юношей во Вьетнаме.

2. С целью профилактики киберзапугивания необходимо установить контроль за временем использования социальных сетей, целями обучения, навыками использования социальных сетей, обучением навыкам предотвращения мошенничества в социальных сетях и активного реагирования на агрессивное поведение через социальные сети. Школы во время онлайн-обучения должны сосредоточиться на обучении подростка навыкам борьбы с киберзапугиванием.

3. Родители и взрослые должны уделять особое внимание школьникам, регулярно пользующимися социальными сетями в развлекательных целях, особенно испытавшим киберугрозы (в качестве субъекта или пострадавшего), чтобы помочь справиться с возникшей проблемой. Учителям, школьным психологам следует оказывать психологическую поддержку детям, которые когда-либо издевались над другими или были жертвами киберзапугивания, чтобы они не попали в круг «Причина – Следствие» киберзапугивания.

4. Министерству информации и коммуникаций Вьетнама необходимо изучить механизм управления и контроля использования социальных сетей среди несовершеннолетних.

Вопросы, которые требуют дальнейшего исследования:

1. Несмотря на приложенные усилия по проведению исследования на большой выборке (787 вьетнамских подростков и юношей), по сравнению с более 16 млн подростков во Вьетнаме, необходимо продолжать расширять исследование за счет увеличения размера выборки, чтобы сделать репрезентативные выводы для вьетнамских подростков и юношей.

2. Помимо проанализированных факторов в данном исследовании следует продолжить изучать влияющие факторы, чтобы более полно объяснить факторы, влияющие на киберзапугивание у вьетнамских подростков и юношей во время социального дистанцирования в период COVID-19.

3. В данном исследовании не реализована программа психологической профилактики и поддержки для подростков и юношей против риска киберзапугивания во время социального дистанцирования. Здесь представлены первые эмпирические данные, которые станут дальнейшими

векторами в исследовании рассматриваемой проблематики. На основе полученных данных последуют исследования и эксперименты с программами «Духовная вакцина» для вьетнамских подростков и юношей, чтобы проверить и усовершенствовать стратегии психологических профилактик и поведенческих вмешательств, разработанные по результатам настоящего исследования.

Материалы статьи могут использоваться при составлении программ профилактики по предупреждению последствий киберзапугивания у детей и подростков как у российских, так и у вьетнамских школьников, а также в качестве экспериментального материала для дальнейших исследований по последствиям воздействия использования детьми интернет-пространства и особенностей общения, психологических воздействий на подрастающее поколение ограничительных мер, связанных с COVID-19.

REFERENCES

1. McLoughlin L.T., Lagopoulos J., Hermens D.F. Cyberbullying and Adolescent Neurobiology. *Frontiers in Psychology*. 2020;11:1511. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01511>
2. Barlett C., Chamberlin K., Witkower Z. Predicting Cyberbullying Perpetration in Emerging Adults: A Theoretical Test of the Barlett Gentile Cyberbullying Model. *Aggressive Behavior*. 2017;43(2):147–154. doi: <https://doi.org/10.1002/ab.21670>
3. Anderson C.A., Bushman B.J. Human Aggression. *Annual Review of Psychology*. 2002;53:27–51. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>
4. Slotter E.B., Finkel E.J. I³ Theory: Instigating, Impelling, and Inhibiting Factors in Aggression. In: Shaver P.R., Mikulincer M. (eds.). *Herzilya Series on Personality and Social Psychology. Human Aggression and Violence: Causes, Manifestations, and Consequences*. Washington, DC, US: American Psychological Association; 2011. p. 35–52. doi: <https://doi.org/10.1037/12346-002>
5. Wong R.Y.M., Cheung C.L.K., Xiao B. Does Gender Matter in Cyberbullying Perpetration? An Empirical Investigation. *Computers in Human Behavior*. 2018;79:247–257. doi: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.10.022>
6. Swearer S.M., Hymel S. Understanding the Psychology of Bullying: Moving toward a Social-Ecological Diathesis-Stress Model. *American Psychologist*. 2015;70(4):344–353. doi: <https://doi.org/10.1037/a0038929>
7. Nansel T.R., Craig W., Overpeck M.D., Saluja G., Ruan W.J. Cross-National Consistency in the Relationship between Bullying Behaviors and Psychosocial Adjustment. *Arch Pediatr Adolesc Med*. 2004;158(8):730–736. doi: <https://doi.org/10.1001/archpedi.158.8.730>
8. Escortell R., Aparisi D., Martínez-Monteagudo M.C., Delgado B. Personality Traits and Aggression as Explanatory Variables of Cyberbullying in Spanish Preadolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(16):5705. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph17165705>
9. Chun J.S., Lee J., Kim J., Lee S. An International Systematic Review of Cyberbullying Measurements. *Computers in Human Behavior*. 2020;113:106485. doi: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106485>
10. Martínez-Monteagudo M.C., Delgado B., García-Fernández J.M., Rubio E. Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019;16(24):5079. <https://doi.org/10.3390/ijerph16245079>

11. Handono S.G., Lacheem K., Sittichai R. Factors Related with Cyberbullying among the Youth of Jakarta, Indonesia. *Children and Youth Services Review*. 2019;99:235–239. doi: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.02.012>
12. Schultze-Krumbholz A., Hess M., Pfetsch J., Scheithauer H. Who is Involved in Cyberbullying? Latent Class Analysis of Cyberbullying Roles and Their Associations with Aggression, Self-Esteem, and Empathy. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2018;12(4):2. doi: <https://doi.org/10.5817/CP2018-4-2>
13. Adiyanti M.G., Nugraheni A.A., Yuliawanti R., Ragasukmasuci L.B., Maharani M. Emotion Regulation and Empathy as Mediators of Self-Esteem and Friendship Quality in Predicting Cyberbullying Tendency in Javanese-Indonesian Adolescents. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2020;25(1):251–263. doi: <https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1614079>
14. Auemaneekul N., Powwattana A., Kiatsiri E., Thananowan N. Investigating the Mechanisms of Theory of Planned Behavior on Cyberbullying among Thai Adolescents. *Journal of Health Research*. 2020;34(1):42–55. doi: <https://doi.org/10.1108/JHR-02-2019-0033>
15. Yang F. Coping Strategies, Cyberbullying Behaviors, and Depression among Chinese Netizens during the COVID-19 Pandemic: A Web-Based Nationwide Survey. *Journal of Affective Disorders*. 2021;281:138–144. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.12.023>
16. Abaido G.M. Cyberbullying on Social Media Platforms among University Students in the United Arab Emirates. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2020;25(1):407–420. doi: <https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1669059>
17. Jun W.A. Study on the Cause Analysis of Cyberbullying in Korean Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(13):4648. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph17134648>
18. Alsawalqa R.O. Cyberbullying, Social Stigma, and Self-Esteem: The Impact of COVID-19 on Students from East and Southeast Asia at the University of Jordan. *Heliyon*. 2021;7(4):e06711. doi: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06711>
19. Piccoli V., Carnaghi A., Grassi M., Stragà M., Bianchi M. Cyberbullying through the Lens of Social Influence: Predicting Cyberbullying Perpetration from Perceived Peer-Norm, Cyberspace Regulations and Ingroup Processes. *Computers in Human Behavior*. 2020;102:260–273. doi: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.001>
20. Yudes C., Rey L., Extremera N. Predictive Factors of Cyberbullying Perpetration amongst Spanish Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(11):3967. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph17113967>
21. Kaiser S., Kyrrestad H., Fossum S. Cyberbullying Status and Mental Health in Norwegian Adolescents. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2020;61(5):707–713. doi: <https://doi.org/10.1111/sjop.12656>
22. Zych I., Ortega-Ruiz R., Del Rey R. Systematic Review of Theoretical Studies on Bullying and Cyberbullying: Facts, Knowledge, Prevention, and Intervention. *Aggression and Violent Behavior*. 2015;23:1–21. doi: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2015.10.001>
23. Campbell M., Spears B., Slee P., Butler D., Kift S. Victims' Perceptions of Traditional and Cyberbullying, and the Psychosocial Correlates of Their Victimization. *Emotional and Behavioural Difficulties*. 2012;17(3-4):389–401. doi: <https://doi.org/10.1080/13632752.2012.704316>
24. Van Geel M., Vedder P., Tanilon J. Relationship between Peer Victimization, Cyberbullying, and Suicide in Children and Adolescents: A Meta-Analysis. *JAMA Pediatrics*. 2014;168(5):435–442. doi: <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2013.4143>
25. Martínez-Monteagudo M.C., Delgado B., Inglés C.J., Escortell R. Cyberbullying and Social Anxiety: A Latent Class Analysis among Spanish Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(2):406. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph17020406>
26. Vaillancourt T., Hymel S., McDougall P. The Biological Underpinnings of Peer Victimization: Understanding Why and How the Effects of Bullying Can Last a Lifetime. *Theory into Practice*. 2013;52(4):241–248. doi: <https://doi.org/10.1080/00405841.2013.829726>

Поступила 28.02.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.
Submitted 28.02.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 16.05.2022.

Об авторах:

Мурафа Светлана Валентиновна, доцент кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1), кандидат психологических наук, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-4819-660X>, **Scopus ID:** [54393816000](https://orcid.org/0000-0002-4819-660X), murafa.svetlana@gmail.com

Хоанг Чунг Хок, декан факультета психологии образования Национальной академии управления образованием (Вьетнам, г. Ханой, Тхань Суан, Фьонг Лиет Уорд, Фан Динь Гиот, д. 31), кандидат психологических наук, **ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4074-9828>**, hoangtrunghoctlgd@gmail.com

Чу Тхи Фьонг, студент факультета психологии образования Национальной академии управления образованием (Вьетнам, г. Ханой, Тхань Суан, Фьонг Лиет Уорд, Фан Динь Гиот, д. 31), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6628-557X>**, hoangtrunghoctlgd@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

С. В. Мурафа – научное руководство; методология исследования; критический анализ; обзор литературы; доработка текста.

Ч. Х. Хоанг – научное руководство; администратор проекта; подготовка начального варианта текста; проведение экспериментов; сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных.

Т. Ф. Чу – обеспечение ресурсами; подготовка текстовой версии статьи; визуализация/представление данных в тексте.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the authors:

Svetlana V. Murafa, Associate Professor, Chair of Psychological Anthropology, Moscow Pedagogical State University (1 bd. 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russian Federation), Cand.Sci. (Psychol.), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4819-660X>**, **Scopus ID: 54393816000**, murafa.svetlana@gmail.com

Trung Hoc Hoang, Dean of the Department of Psychology of Education, National Academy of Educational Management (31 Phan Dinh Giot, Phuong Liet Ward, Thanh Xuan District, Hanoi, Vietnam), Ph.D. (Psychol.), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4074-9828>**, hoangtrunghoctlgd@gmail.com

Thị Phương Chu, Student at Faculty of Psychology of Education, National Academy of Educational Management (31 Phan Dinh Giot, Phuong Liet Ward, Thanh Xuan District, Hanoi, Vietnam), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6628-557X>**, hoangtrunghoctlgd@gmail.com

Contribution of the authors:

S. V. Murafa – scientific supervision; research methodology; volumetric analysis; literature review; text revision.

T. H. Hoang – scientific supervision; project administrator; initial drafting of text; conducting experiments; collecting data and evidence; formalized data analysis.

T. P. Chu – provision of resources; preparation of the text version of the article; visualization/presentation of data in the text.

All authors have read and approved the final manuscript.